

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**РЕМЕСЛЕННЫЙ ТРУД КАК МЕРА ИСПРАВЛЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В САРАТОВСКОМ ГАЛКИНСКОМ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНОМ
ПРИЮТЕ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
(ПО ОТЧЕТУ 1876–77 ГОДОВ)**

Аннотация: статья посвящена теме изучения влияния ремесленного труда как меры исправления несовершеннолетних правонарушителей в Саратовском Галкинском учебно-исправительном приюте для несовершеннолетних правонарушителей в 1870-е годы. Сообщаются данные о количестве мастерских, производстве и продаже ремесленных изделий, количестве воспитанников, участвующих в ремесленном производстве, обучении их ремесленному труду, успехи воспитанников в обучении.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, воспитательно-исправительные заведения, ремесленный труд, несовершеннолетние правонарушители, ремесленные мастерские.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные широкой общественностью, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «галкинским» в честь своего основателя» [2, с. 225; 4, с. 312].

В одном из заседаний Саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета, происходившем 21 октября 1871 г., губернатор Саратовской губернии М.Н. Галкин-Враской обратился к собранию членов-директоров комитета со следующими словами: «При открытии, в прошлом июле, тамбовско-саратовской

железной дороги, строители ее представили в мое распоряжение, для общепользовательного употребления, три тысячи рублей. Одновременно же с этим последовало открытие новых судов в Саратовском судебном округе. Такое случайное совпадение сделанного пожертвования с открытием в нашем крае новых судов возбудило во мне мысль обратить означенный капитал на учреждение, успех которого тесно связан с деятельностью новых судов, а именно – на исправительный приют для несовершеннолетних преступников» [1, с. 1].

М.Н. Галкин-Враской – основатель и в течение ряда лет, с 1879 по 1896 г., руководитель Главного Тюремного управления Российской империи. До назначения на эту должность, с 1871 по 1878 гг. Галкин-Враской был саратовским губернатором. Сыграл огромную роль в создании пенитенциарной системы Российской империи, в создании законодательства, строительства новых помещений для тюрем.

Жизнь в Саратовском приюте шла своим чередом. Расширение сельскохозяйственных операций, новые постройки и «переделки жилых помещений, устройство теплицы и оранжереи, переустройство огородов – все это, произведенное хозяйственным способом, потребовало столько, во-первых, материальных затрат, а потом забот, труда и времени со стороны администрации приюта, что ремесленное дело по необходимости осталось без дальнейшего развития против предыдущего года» [3, с. 25].

Токарная мастерская, как и прежде, «не имела посторонних заказов; переплетная мастерская имела их даже меньше и только сапожная мастерская работала по-прежнему. Это обуславливалось, с одной стороны, тем, что сапожная мастерская имела своего особого мастера-учителя, специально знающего дело; переплетному же и токарному делу, по-прежнему, обучал смотритель приюта, на котором в этом году лежало гораздо более, чем прежде, других обязанностей: расширение сельскохозяйственного дела, управление арендованным участком, наконец – все новые постройки производились под его непосредственным наблюдением и руководством» [3, с. 25–26].

С другой стороны, на успех ремесленного дела «имела влияние также и практичность самих ремесел; для переплетной мастерской всегда трудно было иметь заказы; токарная никогда не имела их; сапожная же мастерская имела всегда не мало работы для самого приюта, а затем легче могла доставать и посторонние заказы» [3, с. 26].

Но само собой разумеется, что «ремесленное дело вообще не может и не должно оставаться без развития на той степени, какой оно достигло; напротив, имеется в виду на эту сторону обратить возможно более серьезное внимание и дать ремеслам более широкое развитие, о чем уже и сделаны некоторые предположения, осуществление которых, по всей вероятности, не заставят долго ждать себя» [3, с. 26].

Ремеслами занимались не все воспитанники: «поступившие на короткие сроки и в летнее время бесполезно было начинать учить мастерству, исключая тех случаев, когда можно было рассчитывать, что начатое ученье, по выходе того или другого воспитанника из приюта имеет надежду продолжаться. Тем не менее было обращено внимание, чтобы по возможности большее число детей обучалось тому или другому ремеслу» [3, с. 26].

Из числа всех воспитанников, бывших в приюте «в течение отчетного года, обучалось ремеслам: сапожному – 18, переплетному – 6, токарному – 2» [3, с. 26].

Из числа обучавшихся сапожному мастерству – «ко времени выхода из приюта работали удовлетворительно – 4, посредственно – 8, плохо – 2; остальные до сих пор находятся в приюте и о них можно будет говорить только впоследствии. Переплетчики все, кроме одного, могли работать настолько удовлетворительно, что были вполне способны исполнять обыкновенные переплетные заказы. Токари учились точить только дерево и главнейшие (материально) токарные работы, – точенье балясин, – могли производить достаточно чисто, хотя и не приобрели быстроты в работе, на что требуется более или менее продолжительный навык. Кроме балясин, они могли вытачивать и мелкие вещи, в роде, например, запонок, что требует уже несколько большего искусства» [3, с. 26].

Денежные обороты по мастерским выражались следующими цифрами: «по сапожной мастерской: израсходовано на материалы – 316 рублей 90 копеек; выручено за работы – 404 рубля 00 копеек; в остатке – 87 рублей 10 копеек. В переплетной мастерской: материалы – 43 рубля 82 копейки; выручено за работу – 54 рубля 24 копейки; в остатке – 10 рублей 42 копейки» [3, с. 27].

Из сравнения этих цифр с таковыми же за прошлый год оказалось, «что сапожная мастерская в отчетном году выручила за сделанную в ней обувь более на 45 рубля 58 копеек, а переплетная мастерская менее на 25 рублей 78 копеек. Токарная мастерская, как объяснено выше, посторонних заказов не имела; обучавшиеся этому делу воспитанники выделяли разные вещи для домашнего употребления. На материалы и ремонт инструментов расход ограничивается 3 рублями 84 копейки; в оценку не входит употребление на работы дерево, так как для этого они получали или остатки от разных других поделок, или употребляли в дело высохшие деревья в саду, или наконец пользовались обыкновенными березовыми, кленовыми и липовыми дровами. Собственно же, учебная часть, т.е. успехи воспитанников в мастерствах, как и в том, так и в другом гораздо выше прошлогодних, что лучше всего доказывается качеством производимых работ» [3, с. 27].

Сапожная мастерская в данном году могла выполнять «достаточное количество обуви вполне хорошей, удовлетворяющей довольно строгим требованиям; переплетчики делали обыкновенные переплеты книг вполне удовлетворительно; один из воспитанников с достаточным успехом занимался футлярной и картонажной работой» [3, с. 27].

Необходимо при этом заметить, «что из всех заказов, как по переплетной, так, в особенности, по сапожной мастерской, не был забракован ни один; напротив – все заказчики ими оставались вполне довольны. Это дает право вывести заключение, что ремесленное дело в приюте возможно вести с достаточным успехом, как с учебно-воспитательной, так и с материальной стороны, тем более, что в будущем предвидится возможность лучшей их организации, нежели какая существует в настоящее время» [3, с. 27].

Воспитанницы, составлявшие женскую семью приюта, в зимнее время, а отчасти и летом, «занимались, под руководством их воспитательницы, преимущественно рукоделием. На них лежала обязанность шить белье и летнее платье как для самих себя, так и для мужской семьи; на них же лежала обязанность чинить белье» [3, с. 28].

Все эти обязанности они исполняли с «достаточным успехом, так что ни одной пары белья или летнего платья не было сшито посторонними руками. Это и заняло почти все их время, так как все работы были сделаны руками; швейной машины пока еще не приобретено, хотя и имеется в виду сделать такое приобретение, что вызывается не только желанием производить скорее постройку белья и платья собственно для приюта, но и для обучения воспитанниц работе на машине. Кроме того, при этом, быть может, представится возможность и воспитанницам исполнять посторонние заказы» [3, с. 28].

Все вышеизложенное показывает те материальные и духовные средства, какими располагал приют для достижения основной своей цели – «поднятия нравственного уровня детей, впавших в преступление» [3, с. 28].

Таким образом, можно подвести некоторые итоги. Во-первых, в приюте все делалось для развития различного вида ремесленных мастерских и для привлечения несовершеннолетних правонарушителей к занятию ремеслами. Во-вторых, слабые материальные средства и отвлечение сил на другие стороны развития приюта препятствовали всестороннему применению ремесленного труда для исправления «малолетних арестантов».

Список литературы

1. Воскобойников Н.Я. О приютах для несовершеннолетних преступников в связи с кратким историческим очерком мест заключения вообще / Н.Я. Воскобойников. – Саратов: Тип. Саратовского справ. листка, 1873.

2. Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал Министерства юстиции. – 1916. – №3.

3. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1876–77 год. (С 30 сентября 1876 года по 30 сентября 1877 года). Год 4-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1878.

4. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. Январь.